
Дубровская
Маша
ИЗМЕНА
ВРЕМЯ
сушить весла

Маша Дубровская

Измена. Время сушить весла

https://litres.ru/74839769
SelfPub; 2026

Аннотация

— Спасите! — кричала любовница моего мужа.

Я вытащила её из тонущего катера. Потом спасла и самого мужа.

Только вместо благодарности, он направил на меня пистолет.

— Прости, дорогая. Ты слишком много знаешь.

***

Вышла на внеплановое дежурство и поймала мужа с любовницей! И это еще не самое дно...

От автора: Все герои и события вымышленные! ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ!!!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Маша Дубровская
Измена. Время сушить весла

Глава 1

— Здравия желаю, Арина Викторовна! Какими судьбами начальника на дежурный катер забросило?

— А тебе это знать необязательно, Петров! Вставай к штурвалу и погнали. Будем проверять, как личный состав ночные дежурства несёт, – хмыкаю я, застегивая спасательный жилет и устраиваясь на жесткой лавке возле бортика.

— Ясно, проверка столичная грядет, – тянет капитан и заводит мотор.

Подсвечиваю фонариком оснащение катера, проверяя комплектность. Ежусь от влажного воздуха. Май на исходе, а вода ещё холодная.

— Здравия желаю, Арин-Викторовна, – снизу появляется штурман – взрослый дядька, который еще с моим отцом служил. — Не спится тебе под боком у мужа,а?

— Не спится, Петрович, Градского опять вызвали на ковер. Танкер пойдет скоро.

— Так прогноз не очень на ближайшую неделю, – Иван Петрович чешет затылок.

— Будем надеяться, что ни у кого задница не подгорает и дождутся штиля, – качаю головой и проверяю судовой журнал.

Капитан оглядывается на досмотровую группу:

— Ребятки, готовы?

В ответ — дружное басовитое «да» от троих.

— Связь установлена, – докладывает радист.

— Ну погнали тады! — Петров прибавляет ход.

Обходим квадрат за квадратом. Ребята осматривают береговую линию в бинокли, докладывают: спокойно. Только собираюсь выдохнуть и поймать кайф от внеплановой морской прогулки, как рация оживает.

— Внимание, девятнадцатый! — трещит динамик. — В третьем квадрате неопознанное судно. Идёт на выход из залива, на связь не отвечает. Мы перекрываем горловину, идём наперерез. Поспешите на перехват, своими силами не управимся.

— Принято, идём! — докладывает радист и оборачивается ко мне. — Арина Викторовна, если поднажмём, успеем зажать его с двух сторон.

— Давай, Петров. Полный ход, — командую я.

— Есть!

Капитан выжимает из мотора всё, и наш катер летит в третий квадрат. Впереди, у самой горловины залива, уже мига-

ют огни нашего второго борта — того, что вызвал на помощь. Он идёт наперерез, отрезая нарушителю единственную дорогу в открытое море.

— Вижу судно, — докладывает один из ребят, не отрываясь от бинокля. — И, похоже, не одно оно там. Рядом катерок крутится.

Свет наших габаритных огней выхватывает из темноты чужой борт. А чуть в стороне от него болтается ещё один катер — маленький, прогулочный, весь в гирлянде огоньков. Видать, гуляка какой-то не вовремя забрёл в самый эпицентр.

— Гражданские, что ли? — щурюсь я в темноту. — Принесла же их нелёгкая…

Нарушитель, увидев, что выход из залива перекрыт, мечется. Сперва шарахается к горловине, потом, поняв, что не проскочить, закладывает крутой вираж назад. И тяжёлой кормовой волной задевает тот самый прогулочный катерок. Лёгкую посудину подбрасывает, кренит набок, и она тут же начинает черпать воду.

— Прогулочный переворачивается! — кричит кто-то из ребят.

Сердце ёкает. Майская вода ледяная, человек в ней долго не протянет. Да и воронкой затянуть может.

А судно нарушителей тем временем мечется без толку: впереди наши ребята заперли выход, сзади подходим мы. Деваться ему некуда, и он сбрасывает ход.

— Сдаются, застопорились! — радостно объявляет Петров. — Прижали голубчиков!

Вот теперь можно брать. Подвожу катер вплотную к борту замершего судна, прижимаюсь к нему бортом.

— Петров! Бери всю группу, на абордаж! — командую я. — Оформляйте экипаж, а я за гражданскими.

— Арина Викторовна, не оставлю вас одну! — упирается капитан.

— Это приказ! Выполнять!

Досмотровая группа один за другим перемахивает на палубу контрабандистов. Судно стоит смирно, экипаж задирает руки — обложили со всех сторон, не дёрнешься.

А я разворачиваю катер и на полном ходу несусь к прогулочному, который заваливается на бок всё сильнее.

— Помоги! Лёва! Помоги! — доносится женский вопль.

Сердце ёкает на знакомом имени. Но нет времени на догадки.

— Держись! Спасательные жилеты есть? — кричу изо всех сил.

— Только один! Спасите, пожалуйста! Лёвчик, ты куда?!

Слышу плеск от удара тела об воду. Навожу прожектор — и тихо охреневаю, увидев красное от натуги лицо своего мужа, гребущего к берегу.

— Спасите! — снова орёт женщина, и я перевожу фонарь на звук её голоса.

Да уж… Картина маслом… Наряд девицы не оставляет ни

единого шанса на полёт фантазии.

Подхожу почти вплотную к тонущему борту, глушу мотор и быстро накидываю швартов на уцелевшую утку прогулочного — благо тот ещё держится на плаву, есть за что зацепиться. Бросаю девице спасательный круг и велю прыгать.

— Я боюсь! Я плавать не умею! — скулит создание в стразах и пайетках.

— Тогда тебя засосёт воронкой! Катер уже наполовину в воде! Прыгай!

— А-а-а! — орёт она и шарахается от борта вглубь.

Вот же тупица! Отстегиваю кобуру с табельным оружием, делаю вдох и прыгаю в ледяную воду сама.

Твою ж мать! Май есть май.

В несколько гребков добираюсь до тонущего катера — он уже на три четверти в воде, — хватаю девку за руку, тяну за собой.

— Я боюсь! — орёт она.

— Заткнись, а то вырублю! — грубо командую ей, и это, слава богу, работает.

Она затыкается, а я тащу круг с ней за собой.

Забираюсь на борт первой и вытаскиваю дрожащую то ли от ужаса, то ли от холода девицу. Из ящика со спасательным оборудованием достаю термоодеяло и укутываю ее.

Быстро отцепляюсь от тонущей посудины и завожу мотор.

— Одного пассажира забрала, иду за вторым, – объявляю

в рацию.

Включаю дальний свет и ищу в бинокль своего пловца-беглеца.

— Он меня бросил умирать… – раздается голос полуобморочной девицы. — А я ведь влюбилась…

— В кого ты влюбилась? – хмыкаю я, перебирая варианты, при которых мой муж оказался на одном катере с полуголой бабой.

— В Лёву. Вернее, Льва Николаевича. А он уплыл без меня…– она начинает истерично рыдать.

— Что вы делали на катере? – боже, зачем я это спрашиваю?! Ясное дело, чем они там занимались!

Закатываю глаза и мысленно даю себе оплеуху.

— Лева мне предложение сделал. Он скоро развод получит, и сразу летим на Мальдивы свадьбу играть, – всхлипывает девушка. — Только вот он меня же бросил умирать… Он знает, что я плавать не умею…

— Бросил, – подтверждаю я. — Если он жену свою предал, с чего ты взяла, что с тобой по-другому поступит?

— Он же в любви признавался…

— А вот сейчас мы его догоним и спросим, как он бросил свою невесту! – объявляю я, наконец, найдя оранжевое пятно на темной глади воды.

Подвожу катер вовремя. Лева что-то стонет и машет рукой.

— Жилет…

Бросаю ему спасательный круг и с интересом наблюдаю, как Лев Николаевич Градский, руководитель регионального отдела Росприроднадзора, примерный семьянин и уважаемый общественный деятель, забирается на катер, а потом оседает мешком на палубу, тараща глазенки.

— Что ты здесь делаешь?

— Спасаю твою невесту, как видишь, – хмыкаю я.

— Какая невеста? Это просто шлюха, – Лева брезгливо поджимает губы и скидывает круг.

— Лева! Ты что говоришь такое? – сильнее заливается слезами девица.

— Действительно, Лева, что ты говоришь такое? – ехидничаю я. — Кстати, о разговорах. Что ты делал на том корабле?

Я ловлю его на испуг. Потому что не знаю, связан ли катер с неопознанным судном.

— Не твое дело! – отрезает муж.

— Он договаривался, что нефть повезут! – вклинивается злой голос красотки в стразах.

— Заткнись, дура! – рявкает Градский.

— Так-так, и кто там в твоей шайке еще был?

— Арина, это не твое, нахрен, дело! Не лезь, куда не надо!

— Это очень мое дело, Левушка. На моем дежурстве задержали контрабандистов, а собственный муж, оказывается, в доле!

— Ничего не докажешь, милая. А если рот откроешь, со мной на нары пойдешь, за соучастие! Начальник отдела пограничной службы ФСБ России – это же зеленый свет всей контрабанде! Кто поверит, что ты не была в доле? Так что, солнышко, ротик прикрой и рули к берегу, – на лице мужа расплывается такая самодовольная улыбка, что хочется блевануть.

Нажимаю кнопку на рации.

— Петров, второй гражданский – один из соучас…

Договорить не успеваю, потому что раздается выстрел, а в левом плече разливается огненная боль.

В шоке смотрю на своего мужа с моим пистолетом в руке, и меня накрывает темнота…

Глава 2

Прихожу в себя от противного запаха больницы. Шевелюсь и тут же жалею о своем действии, потому что горячая боль простреливает от плеча до самого копчика.

Если чувствую боль, значит, жива. А это чертовски хорошая новость!

Вставать не рискую, а вот оглядеть палату с серыми стенами очень даже получается. И услышать, как за дверью переговариваются двое, тоже могу. Напрягаю слух и понимаю, что за дверью точно не врачи болтают.

Дверь открывается без стука, и входит мужчина в штатском, лет сорока, с кожаной папкой под мышкой. На лице у него выражение, которое я за годы службы научилась читать с порога: он уже всё для себя решил, и моё дело — лишь подтвердить чужой вывод.

— Арина Викторовна, хорошо, что очнулись, — он придвигает табурет к койке и садится. — Следователь Гущин. Как самочувствие?

— Бывало и лучше, — отзываюсь, и собственный голос царапает горло наждаком.

— Тогда не будем тянуть, — папка раскрывается у него на коленях. — Расскажите, что случилось этой ночью. С самого начала и подробно.

И я выкладываю всё как было. Ночное дежурство, чужое

судно на выходе из залива, спасение утопающих и предательство собственного мужа.

Да уж, ночка выдалась бурной.

Гущин слушает молча, и с каждым моим словом одна его бровь поднимается всё выше. Когда я замолкаю, он какое-то время постукивает ручкой по краю папки.

— Складно излагаете, — произносит он наконец. — Беда в том, Арина Викторовна, что супруг ваш рассказал абсолютно другую версию.

Дверь снова открывается, и входит Лев Николаевич Градский собственной персоной, с лицом, на котором написана вселенская скорбь.

— Ариша, — голос у него дрожит и надламывается так искусно, что я почти аплодирую. — Господи, ну зачем же ты так? Я ведь верил тебе. Двадцать с лишним лет верил.

— Что ты несёшь? — шиплю я.

— Лев Николаевич дал показания, — Гущин кивает на мужа, как на образец правдивости. — Что давно подозревал вас в связях с контрабандистами. Что той ночью он пришел к вам на катер, чтобы убедить одуматься и сдаться властям. А вы отправили весь экипаж на запасной катер и вышли на служебном судне в море, где попытались его убить, едва он пригрозил обратиться в органы.

Воздух застревает где-то на полпути к лёгким. В шоке смотрю на мужчину, от которого я родила дочь, и не могу поверить в происходящее.

— А девушка? — цепляюсь я за единственную ниточку. — Та, что была с ним на прогулочном катере. Вы её допросили? Она всё подтвердит.

Следователь и Лёва коротко переглядываются, и в этом немом обмене мне впервые становится по-настоящему жутко.

— Не было никакой девушки, Арина Викторовна, — Гущин захлопывает папку. — На катере находились вы и пострадавший.

Внутри всё обрывается и летит в пустоту. Визг этой дурочки в пайетках, термоодеяло, в которое я кутала её собственными руками, — всё стёрто начисто, и я остаюсь наедине со своей никому не нужной правдой.

Они уходят. На пороге Лёва оборачивается, и скорбь на его лице тает, уступая место короткой усмешке, предназначенной мне одной. Дверь затворяется, а я лежу, считаю трещины на потолке и медленно собираю себя обратно.

Меня подставили — чисто, расчётливо, с заранее расставленными по доске фигурами. И чем дольше перебираю детали, тем отчётливее понимаю: прикованная к койке, с конвоем за дверью, в одиночку я этот узел не развяжу. Мне нужен тот, кто видел всё своими глазами.

Дверь приоткрывается в третий раз, теперь тихо и опасливо.

— Мам, ты не спишь? — доносится с порога.

Настя замирает у входа, и лицо её, до боли похожее на моё,

идёт красными пятнами. В два шага она оказывается рядом, опускается на колени у койки, прижимается щекой к моей ладони.

— Я как узнала , чуть с ума не сошла, — шепчет она в мою руку. — Там про тебя такое рассказывают… Я не верю. Ни единому слову не верю, мам.

Горячее подкатывает к горлу, и где-то под ним поворачивается тупое лезвие вины. Двадцать два года я заслоняла эту девочку ото всего на свете, а теперь не могу прикрыть даже от позора собственной фамилии.

— И правильно, что не веришь, — провожу ладонью по её волосам. — Меня оговорили, Настюш.

— Это отец сделал? — она поднимает голову, и в глазах у неё не удивление, а горькая, недетская догадка.

— Да, — подтверждаю я.

Настя выпрямляется, садится на краешек койки, стирает слёзы тыльной стороной ладони. В ней проступает та собранность, которую я в дочери всегда тайно любила.

— Мам, послушай меня, — голос её падает почти до шёпота. — У Серёжи отец — человек в Москве со связями. Если его попросить …

— Притормози-ка со своими связями, — качаю головой, и плечо тут же простреливает боль за неосторожное движение. — Ты своего Серёжу нам до сих пор не показала. Он нас в глаза не видел, а ты уже готова вешать на чужого человека семейные беды.

— Но, мам, ситуация же не из обычных…

— Никаких «но», — обрываю мягче, чем собиралась. — Со своей бедой я разберусь сама. Дай-ка мне лучше телефон.

Она вкладывает смартфон в мою здоровую ладонь, и я набираю номер, выученный наизусть за годы службы. Петров был со мной ночью. Судно и задержание скрыть невозможно — экипаж в камере, груз описан. Но кто-то должен подтвердить, что штурвал я приняла, чтобы уйти за гражданскими, а не затем, чтобы прятать концы. Одного честного рапорта Петрова хватит, чтобы вернуть событиям их настоящий смысл.

Гудки тянутся долго и противно. Наконец на том конце снимают трубку.

— Петров, это Градская, — выдыхаю в динамик. — Слушай меня внимательно, мне нужно, чтобы ты…

— Арина Викторовна, — перебивает он. — Я как раз к вам собирался. Уже подъезжаю.

Минут через двадцать капитан входит в палату, но что-то в его взгляде мне не нравится.

— Петров, ты давал показания? Рассказал им про судно и гражданский катер? — начинаю я, ещё цепляясь за обрывки надежды.

— Арина Викторовна, вы будто не своя были той ночью, — кадык его судорожно дёргается. — Вы ведь сами всю нашу бригаду дежурную на “Чибис” отправили. Мы на нем и вышли дежурить. А наш катер вы сами повели в море. Мое

дело маленькое - что видел, то и рассказал…

Приплыли, блин!...

Глава 3

Петров уходит, так и не подняв на меня глаз. Остаёмся я да потолок в трещинах.

Только не реветь! Слёзы хороши там, где есть кому тебя пожалеть, а жалельщиков вокруг не наблюдается. Зато думать мне никто не запретит, и я думаю, вспоминаю минувшую ночь по секундам.

Куда делась мадам в стразах? Петрова не то перекупили, не то припугнули — разница невелика. Но кое-что так просто ластиком не сотрёшь. Задержанный экипаж и само арестованное судно. Второй катер с целой досмотровой группой, а это вам не недоразумение в пайетках — это мужики в погонах и протоколы с номерами.

В угол меня загнали, спору нет. Только угол — это ведь ещё не могила. А значит, есть шанс выгрести.

За дверью слышится возня. Ленивый говорок конвойных обрывается на полуслове, лязгает железо, и по теням под дверью вижу, как они вытягиваются в струнку. Так тянутся перед большой звездой на погонах.

Кого еще нелегкая принесла на мою голову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.